

От переводчика

Роман «Поймать зайца» написан особым стилем и не поддается традиционному критическому анализу.

Язык молодого автора аутентичен и своеобразен. Порой он изысканный и утонченный, порой — грубый и яркий. Переводчик старался передать оригинальный стиль автора, максимально сохраняя кажущийся иногда странным порядок слов и пунктуацию оригинала. Поэтому читателя следует предупредить — Зайца поймать нелегко, будь то Заяц из сказки Льюиса Кэрролла, или Заяц с картины Дюрера, или белый кролик, которого когда-то купили две девочки.

— Я с удовольствием расскажу все, что случилось со мной сегодня с утра, — сказала неуверенно Алиса. — А про вчера я рассказывать не буду, потому что тогда я была совсем другая.

— Объяснись, — сказала Черепаха Квази.

— Нет, сначала приключения, — нетерпеливо перебил его Грифон. — Объяснять очень долго.

*Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране чудес*

1.

чтобы мы начали с начала. У тебя кто-то есть, а потом его нет. И это примерно вся история. Вот только что бы ты сказала, если ты не можешь *иметь* другого человека. Или употребить слово *она*? Может, так лучше, это бы тебе понравилось. Быть *она* в какой-нибудь книге. Хорошо.

Она бы сказала, что ты не можешь кого-то *иметь*. Но она была бы не права. Можно обладать людьми за постыдную малость. Только ведь она любит рассматривать себя как необходимое правило для функционирования всего космоса. А истина в том, что ты *можешь* иметь кого-то, но только не ее. Ты не можешь иметь Лейлу. Разве что только если ты ее прикончишь, вставишь в рамочку и повесишь на стену. Хотя остаемся ли мы собой и дальше, если вдруг остановимся? Одно знаю наверняка: остановка и Лейла никогда не были вместе. Поэтому она всегда смазана на всех и каждой фотографиях. Она никогда не умела останавливаться.

Даже сейчас, внутри этого текста, я чувствую, как она мечется. Если бы могла, она заползла бы ко мне между двумя фразами, как заползает моль между двумя планками жалюзи, и уничтожила бы мне историю изнутри. Себя бы передела в поблескивающие тряп-

ки, которые ей всегда нравились, сделала бы ноги длиннее, грудь больше, добавила бы волосам волнистости. А меня бы изуродовала, оставила на квадратной голове всего несколько свисающих кудряшек, наделила дефектом речи, добавила хромоту левой ноги, придумала врожденную деформацию, из-за которой я всегда роняла бы карандаш. Возможно, сделала бы и следующий шаг, она способна на такую подлость — возможно, она бы вообще меня не упомянула. Сделала бы из меня неоконченный эскиз. Ты бы это сделала, правда? Пardon, *она*. Это бы *она* сделала, будь она здесь. Однако та, кто рассказывает эту историю, — *я*. Я могу с ней сделать все, что пожелаю. Она мне не может сделать ничего. *Она* — это три нажатия на кнопки клавиатуры. Я могла бы прямо сегодня вечером бросить лэптоп в безмолвный Дунай, тогда и она исчезнет, ее хрупкие пиксели вытекут в ледяную воду и унесут в далекое Черное море все, чем она когда-то была. Предварительно обойдя стороной Боснию, как графиня обошла бы нищего на пути к оперному театру. Я могла бы покончить с ней этой фразой, так чтобы ее больше и не было, чтобы она исчезла, превратилась в блеклое лицо на коллективной фотографии выпускников школы, чтобы ее не вспоминали в городских легендах наших школьных дней, чтобы что-то смутное о ней можно было увидеть лишь в маленьком холмике земли, который мы оставили, там за ее домом, рядом с черешней. Я могла бы убить ее точкой.

Выбираю продолжить, потому что могу и хочу. Здесь я по крайней мере уверена, вдалеке от ее изощренного насилия. По прошествии целого десятиле-

тия возвращаюсь к своему языку, к ее языку и всем остальным языкам, которые я, как насильно навязанного мне мужа, однажды в Дублине во второй половине дня по своей воле покинула. После стольких лет я не уверена, какой точно это был язык. А все из-за чего? Из-за совершенно обыкновенной Лейлы Бегиш в поношенных кроссовках на липучках и джинсах, ей-богу, с цирконами на заднице. Что вообще между нами произошло? Важно ли это? Хорошие истории и так никогда не бывают про то, что происходит. Остаются лишь картинки вроде рисунков на тротуаре, годы капают на них как дождь. Может быть, надо бы сделать про нас детскую книжку с картинками. Что-то такое, что никто, кроме нас с ней, не поймет. Но и книжки с картинками должны с чего-то начинаться. Хотя наше начало — это не только молчаливый слуга хронологии. Наше начало было и проходило несколько раз, оно тянуло меня за рукав как голодный щенок. *Давай. Давай начнем опять.* Мы непрестанно начинали и заканчивали, она проникала в мембрану моей повседневности как вирус. Входит Лейла, выходит Лейла. Могу начать где угодно. Например, в парке святого Стефана в Дублине. Телефон вибрирует в кармане пальто. Неизвестный номер. Тогда я нажимаю на эту проклятую кнопку и говорю «Да?» на языке, который не мой.

«Алло, ты».

После двенадцати лет полной тишины я снова слышу ее голос. Говорит быстро, будто мы только вчера расстались, без всякого желания навести мосты через разрыв в знании фактов, в дружбе, в хро-

нологии. Могу произнести только одно-единственное слово: «Лейла». Она, как обычно, не закрывает рта. Упоминает ресторан, работу в ресторане, какого-то типа, чье имя я слышу впервые. Упоминает Вену. Я и дальше произношу только «Лейла». Ее имя на первый взгляд было безобидным — крохотный стебелек посреди мертвой земли. Я вырвала его из своих легких, думая, что это ерунда. Лей-ла. Но с этим невинным растением из жидкой грязи вылезли длинные и толстые корни, целый лес букв, слов и фраз. Целый язык, похороненный глубоко во мне, язык, который терпеливо ждал этого короткого слова, чтобы расправить свои окостеневшие конечности и встать, будто никогда и не спал. Лейла.

«Откуда у тебя этот номер?» — спрашиваю я. Стою посреди парка, замерла прямо под дубом и не шевелюсь, будто жду, что дерево подвинется в сторону и даст мне пройти.

«Сейчас это не важно, — отвечает она и продолжает свой монолог: — Слушай, ты должна приехать за мной... Ты меня слышишь? Слабый сигнал».

«Приехать за тобой? Не понимаю. Что...»

«Да, приехать за мной. Я по-прежнему в Мостаре».

По-прежнему. За все годы нашей дружбы она ни разу не упомянула Мостар, мы с ней никогда там не бывали, а теперь он вдруг представляет собой неоспоримый, общеизвестный факт.

«В Мостаре? Что ты делаешь в Мостаре?» — спрашиваю я. Продолжаю смотреть на дерево и мысленно считаю годы. Сорок восемь времен года без ее голоса.

Знаю, что я куда-то отправилась, та моя траектория была связана с Майклом, и занавесками, и аптекой... Но Лейла сказала «Стоп» — и все остановилось. Деревья, трамваи, люди. Как усталые актеры.

«Слушай, это длинная история, Мостар... Ты ведь по-прежнему за рулем, да?»

«Да, за рулем, но я не понимаю, что... Тебе известно, что я в Дублине?» Слова вываливаются у меня изо рта и прилипают к пальто, как репьи. Когда я в последний раз говорила на *этом языке?*

«Да, ты очень важная особа, — говорит Лейла, уже готовая поставить под сомнение ценность всего, что могло со мной происходить в ее отсутствии. — Живешь на острове, — говорит она, — и, должно быть, целыми днями читаешь какую-нибудь скучную книжищу, и ходишь на бранч со своими умными друзьями, да? Супер. Ладно, слушай... Ты должна приехать за мной как можно скорее. Мне нужно в Вену, а эти здешние мартышки забрали у меня права, и всем плевать, что я должна...»

«Лейла». — Я пытаюсь прервать ее. Даже спустя все годы мне совершенно ясно, что происходит. Это та самая ее логика, соответственно которой, если кто-то толкнет тебя на лестнице и ты покатишься вниз, виновата будет гравитация, а все деревья посажены для того, чтобы она за любым могла пописать, а все дороги, какими бы кривыми и длинными они ни были, имеют одну точку пересечения, один общий узел — ее, Лейлу. Рим — это ерунда.

«Слушай, у меня нет времени. Я действительно не могу попросить никого другого, все отбредиваются,

что заняты, правда, у меня и нет здесь особо много знакомых, а Дино не может вести машину из-за колена...»

«Дино — это кто?» «...так что я прикинула, если ты улетишь в Загреб еще в эти выходные, а там сядешь на автобус, правда, Дубровник был бы лучшим вариантом».

«Лейла, я в Дублине. Я не могу просто взять и поехать за тобой в Мостар, а потом отвезти в Вену. Ты в своем уме?»

Она некоторое время молчит, воздух вырывается из ее ноздрей и бьется о телефон. Кажется, будто терпеливая мать всеми силами борется с желанием вlepить своему ребенку оплеуху. После нескольких минут ее тяжелого дыхания и моего наблюдения за упрямым дубом она произносит только два слова: «Ты должна».

В этом нет никакой угрозы. Звучит скорее, как когда врач говорит, что ты должна бросить курить. И меня не злит ни это ее «должна», ни то, что она мне позвонила через двенадцать лет и даже ни разу не спросила «как дела», ни то, что она посмеялась над целой жизнью, которую я придумала себе за прошедшее время. Впрочем, это и была классическая Лейла. Но то, что где-то в ее резком голосе скрывалась абсолютная уверенность, что я соглашусь, что мне некуда деваться, что моя судьба была решена до того, как я ответила на этот проклятый звонок, меня унижает.

Я прерываю связь и сую мобильник в карман. Даже боги, какими бы примитивными и бессмысленны-

ми они ни были, дают право на свободу воли. Смо-
трю на дерево и медленно дышу, я больше не верю
этому воздуху. Я загрязнила его *своим языком*. Пере-
сказываю сама себе всю сцену так, как преподнесу ее
Майклу, когда приду домой. Представляешь, скажу
я, одна моя подруга из Боснии звонит мне сегодня
и спрашивает... Подбираю слова на чужом языке, вы-
вязываю их и перекручиваю петли таким образом,
чтобы ни лучик света не смог пробиться сквозь плот-
ную вязку. И как раз когда мне кажется, что я знаю,
как это пересказать, как лишить Лейлу всякого зна-
чения, когда мне кажется, что вдалеке проехало не-
сколько автомобилей, что на периферии зрения люди
снова задвигались, когда ветер вернулся в крону дуба,
она звонит мне опять.

«Сар, послушай меня. Прошу тебя», — говорит она
тихо. Мое имя, деформированное звательным паде-
жом, о существовании которого я уже забыла, звучит
как эхо из заброшенного колодца. Я ее знаю. Сейчас
она снова безобидная веточка, снова кто-то, чьи руки
настолько деликатны, что вы бы не побоялись пере-
дать ей на хранение и собственный мозг.

«Лейла, я в Дублине. Я здесь живу, не одна. У меня
есть обязанности. Я не могу ехать в Мостар. О`кей?»

«Но ты должна».

«Тебя не было десять лет. Ты не отвечаешь на мей-
лы. Не звонишь. Насколько мне известно, ты могла
бы быть уже где-то похоронена, в какой-нибудь пиз-
доебине. В последний раз, когда мы с тобой виделись,
ты предложила мне валить к ебеной матери».

«Я не говорила тебе, чтобы...»